

Александр Завьялов

По усадьбам и музеям в
1990-х

12+

Александр Завьялов

По усадьбам и музеям в 1990-х

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Завьялов А. К.

По усадьбам и музеям в 1990-х / А. К. Завьялов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В сборник вошли статьи о посещениях в 1990-х годах некоторых усадеб и музеев Подмосковья и Москвы, а также других исторических мест. За прошедшие годы отдельные монастыри и усадьбы уже отреставрированы или восстанавливаются в настоящее время, но еще многие остаются по-прежнему «графскими развалинами» и ждут волонтеров, меценатов и государственных инвестиций. Фото из архива автора.

Содержание

Введение	5
Графские развалины	5
По усадьбам Подмосковья	7
Авдотьино (Ступинский район)	7
Афинеево (Наро-Фоминский район)	11
Болдино (Солнечногорский район)	13
г. Бронницы	15
Валуево (Ленинский район)	18
Васильевское, Покровское (Одинцовский район)	21
Васькино (Чеховский район)	24
Введенское (Одинцовский район)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Введение

Графские развалины

В первом номере журнала «Мир музея» за 1997 год опубликованы два открытых письма от группы руководителей федеральных музеев и группы видных деятелей культуры из Петербурга. Оба письма обращены к председателю правительства В. С. Черномырдину и оба – о бедственном положении музеев и культуры в России.

Снизилось финансирование Эрмитажа, Русского музея, Третьяковской галереи. Это коснулось крупнейших музеев страны, а что же тогда с остальными?

Вот дополнительно конкретные примеры по Подмосковию. В Историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина сгорел в Захарове года четыре тому назад дом, где жил юный поэт, и Пушкинский праздник проходил в последние годы рядом с пепелищем. В Больших Вяземах того же музея гостевой флигель главного усадебного дома зияет оконными проемами – реставраторы исчезли, едва начав работы. В Шахматове никак не закончится восстановление дома и построек усадьбы А. А. Блока. В плачевном состоянии и церковь Михаила Архангела, в которой венчался Блок. Много лет закрыто на реставрацию Архангельское и т. д. И все, в основном, опирается в отсутствие денег.

Что же касается старинных русских усадеб, в которых пока еще нет музеев, то здесь положение совсем незавидное. Подмосковные усадьбы, требующие помощи, – это Алабино, Молоди, Никольское-Гагарино, Ольгово, Николо-Урюпино, Болдино, Денежниково, Горенки и др. Повезло тем усадьбам, в которых до последнего времени размещались дома отдыха или санатории солидных организаций, таким, например, усадьбам, как Вороново, Глинки, Валуево.

Где-то еще за заборами усадеб есть признаки вялотекущих реставрационных работ, но темпы разрушения явно опережают.

Нельзя, конечно, рисовать слишком уж безрадостную картину. Открылся, наконец, после более чем десятилетней реставрации музей в Муранове, ускорились реставрационные работы в Марфине. И все-таки музеи и усадьбы нужно спасать.

Музейные работники давно поняли, что «приобщить культуру к рыночной экономике» все-таки придется. В Эрмитаже, например, создан отдел развития и маркетинговых исследований – ищут спонсоров и меценатов, есть «Клуб друзей Эрмитажа». В Поленове планируют постройку небольшой гостиницы со столовой, прачечной, баней.

Но отрадно все-таки, что «процесс пошел». Иногда, правда, помехи возникают из-за формальных мелочей. Например, протекла крыша в одной из комнат Музея-квартиры А. Н. Толстого в Москве. Пришлось убирать экспонаты, застилать пол пленкой. А рядом с этой комнатой находится небольшой концертный зал музея. Казалось бы, если нет у музея денег на ремонт, можно организовать концерт и на вырученные деньги починить крышу. Но, как объяснили работники музея, деньги, полученные от проведения концерта, идут сначала «наверх», музей является филиалом, а потом музею что-то «выделяют». Так что крыше в музее, наверное, еще долго протекать.

Недостаточное государственное финансирование вынуждает музеи искать дополнительные источники пополнения музейного бюджета. Но нет худа без добра. Создание, с учетом законодательства, при музеях магазинов, кафе или даже ресторанов, а при музеях-заповедниках и гостиниц даст дополнительные рабочие места, будет способствовать развитию туризма.

Если пути спасения музеев для наших музейных работников проясняются, то как спасать подмосковные или, скажем, подпетербургские старинные усадьбы, пока неясно. А ведь это огромный потенциал для будущих музеев и вообще для культуры и отдыха или туризма.

Может быть, их изымать у нерадивого или «бедного» пользователя и передавать или сдавать в аренду тем, кто обеспечит их восстановление и сохранность? Важно, чтобы при этом сохранялось культурное назначение усадьбы. Неплохо было бы законодателям, администраторам и работникам культуры еще немного посоветоваться о том, как не дать русским усадьбам превратиться в «графские развалины».

Июль 1997 г.

По усадьбам Подмосковья

Авдотьино (Ступинский район) Ревнитель русского просвещения

Деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы Тихвинской поставили в Авдотьино на берегу реки Северки в 1705 году. И в том же году Иван Новиков завещал это село своему сыну Василию, а через двадцать с лишним лет им владел его внук, тоже Иван.

В 1744 году в Авдотьино-Тихвинском в семье Ивана Васильевича Новикова родился второй сын Николай. К тому времени статский советник И. В. Новиков вышел в отставку и обосновался в деревне, хотя в Москве на Большой Ордынке у него был свой дом. В 1749 году было получено разрешение на строительство в Авдотьино новой каменной церкви. А вот колокольню достраивали уже при Николае Ивановиче Новикове, около сорока лет спустя.

Учился Н. И. Новиков в гимназии при Московском университете одновременно с Д. И. Фонвизиным, В. И. Баженовым и будущим фаворитом императрицы Г. А. Потемкиным. Как и положено дворянину, служил, а еще участвовал в дворцовом перевороте Екатерины II, за что был произведен в унтер-офицеры, работал в законодательной комиссии в Кремле вместе с Г. Р. Державиным. В 1768 году он был «от комиссии уволен и отставлен поручиком» и вернулся в Петербург.

В 1769 году в северной столице появился на свет журнал «Всякая всячина», в котором принимала участие и сама императрица. Вслед за этим возникло еще несколько журналов, в том числе и «Трутенъ» Новикова. Издателю и журналисту, который помышлял о том, «чем бы... оказать хотя малейшую услугу своему Отечеству», было тогда всего 25 лет. Сатирическая полемика «Трутня» со «Всякой всячиной» закончилась закрытием первого журнала Новикова. Но не последнего. Потом были «Живописец» и «Кошелек». Затем последовала публикация «Опыта исторического словаря о русских писателях» и многотомное издание литературных памятников допетровской Руси – «Древняя Российская вивлиофика».

В Петербурге Новиков вступил в масонскую ложу Елагина. Про этих людей А. С. Пушкин писал: «Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали».

Поэт и драматург М. М. Херасков предложил Новикову взять в аренду типографию Московского университета, куратором которого он являлся. Отставной поручик Новиков, ставший к тому времени уже известным журналистом, переехал в Москву. «Господин Новиков, – писал Н. М. Карамзин, – был в Москве главным распространителем книжной торговли... Он торговал книгами, как богатый голландский или английский купец торгует произведениями всех земель: то есть с умом, с догадкой, с дальновидным соображением».

В Москве Новиковым издано около тысячи наименований книг и журналов, им же издавалась единственная тогда газета «Московские ведомости».

Размах издательской и благотворительной деятельности Новикова беспокоил императрицу, к тому же обнаружилось расположение к масонам Павла. Поэтому Екатерина II своими указами ограничивает, а затем и вовсе вынуждает Новикова прекратить деятельность. Летом 1789 года Новиков переселяется в Авдотьино. Хозяйственные заботы и строительство заполнили теперь его жизнь. Однако императрица не теряет бдительности и велит «послать под каким ни есть видом кого посмотреть, какие строения заводит у себя в деревне Новиков». А строил он дома-«связи» для крестьян и колокольню, как считают, по проекту своего друга

архитектора В. И. Баженова. Впрочем, есть предположения, что «вольные каменщики» соорудили на территории усадьбы и подземные ходы, обнаруженные недавно.

...Уже сослан был в Сибирь Радищев. Дошла очередь и до Новикова и его друзей. В апреле 1792 года в усадьбу приезжают с обыском, а затем увозят и самого хозяина. Пятнадцать лет пришлось бы провести Новикову в Шлиссельбургской крепости, если бы не смерть Екатерины II. Новый император Павел I повелел освободить и Новикова, и Радищева.

После возвращения в Авдотьино Новиков продолжал строить, принимал у себя друзей. Хозяйство становилось убыточным, а долги были так велики, что после смерти Новикова в 1818 году имение было продано с торгов. Так что вряд ли сохранились в авдотьинских подземельях клады и тайная типография.

От усадьбы Новикова осталась ныне Тихвинская церковь, требующая реставрации, да двухэтажный флигель, в котором и теперь живут люди, как и в крестьянских домах-«связях». На стене флигеля мемориальная доска с надписью: «Здесь жил и умер Николай Иванович Новиков, ревнитель русского просвещения».

Проезд: с Павелецкого вокзала до станции Барыбино, далее автобусом № 56 до села Большое Алексеевское.

Январь 1998 г. Фото из архива автора.

Тихвинская церковь

Усадебный дом

Афинеево (Наро-Фоминский район) Поместье коллекционера

В XVII веке село Афинеево оказалось во владении окольного Протасьева. В свое время великий государь Алексей Михайлович за буйную ссору с боярином Хрущевым повелел Протасьева «вместо кнута бить батогами бесщадно». В усадьбе окольного в 1704–1709 гг. была построена церковь Иоанна Предтечи, а колокольня сооружена несколько позже – на рубеже XVIII–XIX веков.

Во второй половине XVIII века Афинеево перешло к Захарию Егоровичу Волинскому, одному из родственников министра императрицы Анны Иоанновны. При Волинском здесь был построен каменный усадебный дом. А пруды, мосты и парк появились уже при другом владельце – предводителе дворянства Ступишине.

Затем имение купил издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин, который, однако, сюда навещался редко. Усадьба пришла в запустение, и в конце XIX века красивый барский дом был продан на слом. С той поры Афинеево становится купеческим владением. Сначала в нем поселился московский поставщик мебели Ступин, который завел здесь мельницу, затем купец Власов, начавший приводить имение в порядок и построивший новый каменный дом. В этом-то доме на берегу Десны и поселились в 1913 году последние владельцы Афинеева – семья Бахрушиных.

Алексей Александрович Бахрушин, фабрикант, меценат, создатель Театрального музея, жил и бывал во многих местах Подмосковья: в Зарайске, Ивановском, Гирееве, Малаховке. В своих «Воспоминаниях» его сын, Юрий Алексеевич Бахрушин, историк театра, педагог, подробно рассказывает о пребывании семьи в Афинеево, о местных жителях, о соседних усадьбах. «Вскоре после нашего переезда к отцу явился священник с группой наиболее почтенных стариков-крестьян с просьбой быть старостой церкви. Отец, недолюбливавший таких должностей, категорически отказался. Произошла некоторая неловкая заминка, после чего один из наиболее старых крестьян сказал:

– Ты уж нас не обижай. У нас завсегда ведется, что помещик – староста. А то так выходит, что ты хочешь от нашего общества отколоться. Против мира ты не иди!».

Но недолго довелось быть церковным старостой и помещиком Алексею Александровичу Бахрушину. После революции Бахрушины не покинули Россию: хотя Театральный музей был передан в дар государству, они не могли бросить свое детище. Алексей Александрович, щедро жертвовавший миллионы на благо общества, получил от советской власти жалованье в 43 рубля и продолжал свое дело.

Старожилы Афинеева помнят еще старый усадебный дом, ныне не существующий. А церковь Иоанна Предтечи помнит и жителей этого дома, и своего старосту – замечательного человека и великого коллекционера.

Проезд: с Киевского вокзала до станции Апрелевка. Усадьба находится в 4 км от станции. Февраль 1996 г. Фото из архива автора.

Церковь Иоанна Предтечи

Болдино (Солнечногорский район) Болдинская осень Татищева

В истории русской культуры есть еще одно Болдино, кроме пушкинского, забывать про которое нельзя. Это Болдино, в котором прожил последние годы, осень своей жизни, и умер Василий Никитич Татищев – ученый, историк и вообще заметная фигура российской истории.

Когда началась Северная война, Василию Татищеву исполнилось 14 лет. Он был средним из троих сыновей Никиты Алексеевича, военного человека, происходящего из рода Рюриковичей.

В 1704 году восемнадцатилетний Василий со своим старшим братом был зачислен в драгунский полк и отправлен под Нарву. В Полтавской битве поручик Татищев был ранен. Много лет спустя астраханский губернатор, тайный советник Татищев вспоминал: «Счастлив был для меня тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя».

А между Полтавой и Астраханью была жизнь, полная событий и трудов. В 1716 году Татищева, уже бывавшего за границей «для присмотрения тамошнего военного обхождения», перевели из кавалерии в артиллерию инженер-поручиком первой роты полка Главной полевой артиллерии. Служил он теперь под началом Якова Вилимовича Брюса, сподвижника Петра. Брюс стал «прилежно поохочивать и наставлять» Татищева к занятиям историей и географией.

Инженерные способности Татищева были замечены, и в 1720 году его назначили горным начальником уральских и сибирских заводов – началась другая полоса его жизни. На Урале он, как горный чиновник, вскоре столкнулся со всемогущими Демидовыми, защищая казенную горную промышленность. Дело дошло до суда. В присутствии Петра I высший суд при Сенате, рассмотрев дело, оправдал Татищева, а Демидовых приговорил к штрафу.

Татищев получил чин советника Берг-коллегии и, по поручению Петра, занялся разработкой проекта учреждения на Урале частной акционерной компании по производству меди. Петр знал, что делал. Затем он отправил Татищева в Швецию для призыва потребных к горным и минеральным делам мастеров. В Швеции, как и везде, Татищев собирал «материалы по русской истории». В июле 1725 года он сетовал в письме: «Ежели б я деньги мои имел, то б я все здешние до российской истории касающиеся книги купил...».

Вернулся он в Россию уже после смерти Петра I, когда началась эпоха дворцовых переворотов. Екатерина I, Петр II, Анна Иоановна... «В 1734 году ее императорское величество (Анна Иоановна) повелела отправить меня в Сибирь, – вспоминал Татищев, – для размножения заводов... В 1734 году перевели меня в Оренбургскую комиссию...».

Наконец, в 1745 году, уже при императрице Елизавете Петровне, велено было ему по указу сдать дела своему преемнику и для излечения болезни жить в деревнях. Татищев рапортовал в Сенат, что за высочайшую милость рабски благодарен, что у него есть деревня в Дмитровском уезде, куда он и намерен отправиться. Прибыв в Болдино весной 1746 года, Татищев работал под установленным над ним Сенатом надзором. Он писал: «... от губернии уволен в дом мой, по котором хотя к сочинению Лексикона и Географии многое было заготовлено, но за многими по оным недостатки все кроме Истории оставил».

«История Российская» и «Собрание законов древних русских» были его главными трудами в Болдине до конца дней его 15 июля 1750 года.

Сейчас в усадьбе Татищева запустение. Два года назад, по рассказам местных жителей, в усадебном доме размещалось отделение совхоза. Затем усадьбу сдали в долговременную аренду фирме, которая обязалась провести восстановительные работы за разрешение построить здесь офис и коттеджи для сотрудников. Кроме бетонного забора, других следов деятельности фирмы почти не заметно. Зато опустевший дом быстро растащили, исчез весь бревенчатый второй этаж, окна, двери. Если не принять срочные меры, то и дом, и флигель, и каретный

сарай окончательно развалится. Останутся, может быть, только пруды, вырытые, по преданию, еще при Татищеве. Вот такая история с географией.

Проезд: с Ленинградского вокзала до станции Подсолнечная, автобус № 30 до 74 километра Ленинградского шоссе, далее пешком.

Июнь 1995 г. Фото из архива автора.

Остатки усадебного дома

г. Бронницы «Мой первый друг...»

В Марьинке (Марьине), недалеко от Бронниц, было имение Фонвизиных. Генерала и декабриста Михаила Александровича Фонвизина сослали в Сибирь, его жена, Наталья Дмитриевна, оставив двух детей на попечение матери и младшего брата мужа, полковника в отставке Ивана Александровича, поехала за мужем. Братья Фонвизины были племянниками драматурга Д. И. Фонвизина, но отнюдь не были «недорослями», оба отличились в войне 1812 года, получили высокие звания, но, хотя и не были в день восстания на Сенатской площади, оба подверглись аресту и ссылке – Иван Александрович был отправлен в отцовское имение Марьинку, под надзор полиции, а Михаил Александрович – в Сибирь.

Перед возвращением Михаила Александровича из ссылки в 1853 году в Марьинке числилось 10 дворов, а в них 36 душ мужского и 48 – женского пола. Вернувшись, бывший генерал уже не застал в живых ни брата, ни сыновей. Прожив с Натальей Дмитриевной в Марьинке еще около года, декабрист Михаил Александрович Фонвизин умер, оставив свои сочинения и письма в качестве творческого наследия.

После амнистии при Александре II возвратился на родину и другой декабрист Иван Иванович Пущин. Женившись на вдове Михаила Александровича Фонвизина, Наталье Дмитриевне, он в 1857 году поселился в Марьинке. Здесь в 1859 году, в конце своей жизни, он совершил одно из своих, может быть, наиболее важных для потомков дел, записав свои воспоминания о Пушкине.

«1811 года, в августе, числа решительно не помню, – так начал он свои «Записки о Пушкине», – дед мой, адмирал Пущин, повез меня и двоюродного моего брата Петра, тоже Пущина, к тогдашнему министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому...». Просто, правдиво и деликатно рассказывает о прошлом Пущин: «...я гляжу на Пушкина, не как литератор, а как друг и товарищ».

Шесть счастливых лицейских лет пролетели быстро, в июне 1817 года состоялся выпускной акт и пути их разошлись. Пушкин поступил в Коллегию иностранных дел, Пущин – в гвардию. Тем же летом поступил Пущин и в Союз спасения.

Друзья стали встречаться уже не часто. Отмечали вместе со всеми день Лицея да виделись иногда у «лицейской братии», большей частью у «домоседа Дельвига». Вообще, Пущин старался держаться подальше от «большого света», где, как он считал, «крутится Пушкин», маневры и служба увлекали его из Петербурга.

В мае 1820 года Пущин, возвращаясь из Бессарабии, обнаружил в подорожной книге запись о проезде некоего Пушкина в Екатеринослав. Спросил: «Какой это Пушкин?». Смотритель сказал, что это поэт Александр Сергеевич едет, кажется, на службу, на перекладных, в красной русской рубашке, в опояске, в поярковой шляпе. Поэт, который «наводнил Россию возмутительными стихами», как выразился Александр I, был отправлен тогда в «командировку», пока еще на юг.

В последний раз они встретились в Михайловском в январе 1825 года. Пущин, служивший тогда в Москве надворным судьей, оформил отпуск для поездки к родным в Петербург и Псков, и, несмотря на предостережение друзей, отправился в путь. И вот уже, выехав вечером от сестры из Пскова и захватив по дороге три бутылки шампанского «Клико», к утру следующего дня добрался до Михайловского.

«Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный

Твой колокольчик огласил...».

Это стихотворение ссыльному Пушкину передали в Сибири, три года спустя, в январе 1828 года...

На площади в Бронницах стоит величественный собор Михаила Архангела, построенный в 1705 году, а рядом Иерусалимская церковь 40-х годов XIX столетия. У алтаря собора, снаружи, находятся могила Ивана Ивановича Пущина, а за ней – распятие на могиле Михаила Александровича Фонвизина.

В 1859 году, после смерти И. И. Пущина, Наталья Дмитриевна переехала в Москву и прожила там еще десять лет.

Бронницы же еще одной ниточкой связаны с великим поэтом. Здесь был похоронен внук поэта – Александр Александрович Пушкин. Многие годы он прожил в Бронницах, был председателем Бронницкой уездной думы, предводителем уездного дворянства.

Наверное, Александр Александрович бывал на могиле первого друга своего великого дедушки.

Сентябрь 1998 г. Фото из архива автора.

Валуево (Ленинский район) В начале было «Слово»

В декабре 1800 года в Москве вышло в свет первое издание «Слова о полку Игореве». В предисловии указывалось, что рукопись принадлежит издателю сего, действительному тайному советнику и кавалеру графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину.

В «Записках для биографии...» граф писал о себе в третьем лице: «со вступлением его к высочайшему двору в должность церемониймейстера он начал собирать отечественные книги, монеты и рукописи». Екатерина II, сама занимавшаяся русской историей, «удостоила видеть» обширное рукописное собрание графа и некоторые рукописи «оставлять у себя». В 1791 году императрица назначила графа Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода, и в том же году вышел указ о сборе в церквах и монастырях всех имеющихся исторических рукописей и о присылке их в Синод для снятия копий с последующим возвращением оригиналов. Понятно, что такой указ сослужил неплохую службу обер-прокурору в деле пополнения его рукописного собрания.

Собранием российских древностей А. И. Мусина-Пушкина пользовались многие историки. В частности, Н. М. Карамзин. К сожалению, во время московского пожара 1812 года хранившаяся в Кремле библиотека графа сгорела, как, впрочем, и находившаяся там же рукопись «Истории государства Российского» Карамзина. Но, как известно, рукописи не горят. Еще для Екатерины II был сделан список с текста и выполнен перевод «Слова». Эта копия сохранилась. А в Остафьеве, усадьбе князя А. И. Вяземского, на дочери которого был женат Н. М. Карамзин, сохранился список «Истории».

Граф А. И. Мусин-Пушкин был не только страстным собирателем древностей, но еще и весьма богатым помещиком. Закончив службу в Санкт-Петербурге и переехав в Москву, он немало времени проводил в своей великолепной усадьбе Валуево, неподалеку от второй столицы.

Главный усадебный дом с бельведером и шестиколонным портиком был построен в 1810–1811 гг. Галереями-колоннадами дом соединялся с флигелями, в одном из которых размещалась кухня, а в другом театр. Конный и скотный двор, контора и дом управляющего – все это составляло единый гармоничный ансамбль в стиле классицизма. К берегу речки Ликовки спускался пейзажный парк с каскадом прудов, гrotами и «Охотничьим домиком».

После смерти А. И. Мусина-Пушкина усадьба достраивалась и перестраивалась. В 1817 году были сооружены круглые угловые башни, перестроены въездные ворота, появилась баня и водонапорная башня.

Архитектурный ансамбль усадьбы хорошо сохранился до нашего времени. Может быть, благодаря находившемуся в нем дому отдыха. Вообще, Валуево – одна из немногих усадеб Подмосковья, к которой неприменимы слова «разруха» и «запустение». В последние годы в усадьбе даже велись реставрационные работы.

Проезд: от станции метро «Теплый Стан» автобусом № 531 до остановки «Санаторий «Десна», далее автобусом № 420 до Валуева.

Август 1996 г. Фото из архива автора.

Главный усадебный дом

Охотничий домик

Васильевское, Покровское (Одинцовский район) Подмосковное «былое»

Получив при Павле I гвардии капитана, Иван Алексеевич Яковлев подал в отставку и уехал за границу. Пропутешествовав почти двенадцать лет, он вернулся в Россию в 1812 году с семнадцатилетней женой Луизой Гаг из Штутгарта. Через три месяца у них родился сын. Брак родителей не был оформлен, и ребенок получил фамилию, придуманную отцом – Герцен (от немецкого Herz).

После раздела имущества между тремя жившими тогда братьями отцу А.И. Герцена досталось Васильевское. «Я мало видел мест изящнее Васильевского, – писал Герцен в «Былом и думах». – Кто знает Кунцево и Архангельское Юсупова или имение Лопухина против Саввина монастыря, тому довольно сказать, что Васильевское лежит на продолжении того же берега верст тридцать от Саввина монастыря».

Герцен любил длинную тенистую аллею, сад возле старого каменного дома. Вскоре на другой стороне Москвы-реки, на Марьинской горе, отец Герцена выстроил новый дом. «Вид из него обнимал верст пятнадцать кругом: озера нив, колеблясь, стлались без конца; разные усадьбы и села с белеющими церквами видны были там-сям; леса разных цветов делали полукруглую раму, и через все – голубая тесьма Москвы-реки».

Почти каждый год выезжала семья на лето в Васильевское. По дороге останавливались обедать и кормить лошадей в Перхушкове. После 1832 года в Васильевское больше не ездили. Отец продал эту усадьбу в то время, когда Герцен находился в ссылке в Вятке. Дом, к сожалению, не сохранился. На том месте уже другие владельцы усадьбы, представители рода Щербатовых, выстроили большое здание в псевдоклассическом стиле. В нем вскоре после революции побывал вождь мирового пролетариата, а потом был размещен санаторий имени А. И. Герцена.

Но сохранился, вернее наполовину восстановлен, дом в другой подмосковной усадьбе Яковлевых, в Покровском-Засекине. Покровское известно с 1593 года. В 1690 году оно перешло во владение к Жировым-Засекиным, вследствие чего и получило двойное название. С 1785 года село находилось в совместном владении отца Герцена и среднего из братьев, дипломата и сенатора.

В Покровском бревенчатый усадебный дом стоит на холме, над большим прудом. Здесь Герцен бывал в детстве, сюда приезжал в 1838 году из ссылки через несколько месяцев после свадьбы: «Мне было 26 лет, жизнь раскрыла все прелести и упоения. Теперь в 1843 году, измученный многим, с скептицизмом в душе, я ишу у тех же полей участия».

В Покровское в гости к Герцену приезжали друзья: Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, М. С. Щепкин, В. П. Боткин. Здесь Герцен писал свои «Письма об изучении природы».

А впереди был отъезд на долгие годы за границу. «Все изменилось вокруг: Темза течет вместо Москвы-реки, и чужое племя около... и нет больше дороги на родину...».

Проезд: с Белорусского вокзала до станции Голицыно. Далее автобусом № 27.

Октябрь 1995 г. Фото из архива автора.

Пруд

Усадебный дом в Покровском

Васькино (Чеховский район) От декабристов до коммунаров

Село Васькино впервые упоминается в писцовой книге 1627 года. Помещичий двор да шесть крестьянских. В 1689 году сельцо перешло по завещанию окольного боярина Михаилу Тимофеевичу Лихачеву. Свою службу он начал при царе Алексее Михайловиче, продолжил при царе Федоре Алексеевиче и пользовался большим расположением последнего. Около 1700 года по заказу Лихачева была построена церковь Рождества Богородицы, а село стало называться Рождественским, Васькино тож.

В 1780-х годах в имении был разбит липовый парк регулярной планировки и выкопан большой пруд перед домом, отделенный дамбой от речки Люторки.

Дмитрий Михайлович Щербатов, сын известного историка екатерининского времени, приобрел имение в 1795 году. Князь занялся перестройкой усадьбы и в 1825 году было закончено строительство главного дома.

Дмитрий Михайлович был родственником и опекуном братьев Чаадаевых. Вместе со своей теткой и воспитательницей Анной Михайловной Щербатовой они часто бывали в Васькине. Бывал здесь и другой племянник – будущий декабрист М. М. Свиридов, гостили декабристы И. Д. Якушкин и М. М. Фонвизин. Дочь князя Щербатова, Наталья, вышла замуж за Ф. П. Шаховского. После событий 14 декабря 1825 года он был арестован. Сын князя, капитан Семеновского полка Иван Щербатов за сочувствие к бунтовавшим солдатам разжалован и сослан на Кавказ.

В роду Щербатовых усадьба находилась до 1885 года. Новый владелец, правнук князя Щербатова Сергей Иванович Шаховской, дружил с Чеховым, который жил в то время в соседнем Мелихове. Шаховской был председателем Серпуховской земской управы и помогал Чехову в строительстве школы, больницы, борьбе с холерой.

В 1895 году владельцем Васькина стал племянник поэта А. А. Фета, инженер и писатель В. Н. Семенович, который, чтобы содержать свой большой дом, пытался сдавать его дачникам. Из этого ничего не вышло и последним владельцем Васькина стал купец Капканчиков.

После революции в усадьбе разместились школа красных командиров, дом отдыха института народов Востока, а в 1927 году в Васькино приехала швейцарская коммуна «Солидарность» во главе с Фрицем Платтенем. Коммуна была признана образцовым хозяйством Серпуховского уезда. Успехи в следующем году были еще более значительными. Доход приносило не только животноводство, но и выращивание овощей.

На территории артели расположился детский дом для детей революционеров. Его основала Ментона Мозер на деньги, полученные в наследство от отца – швейцарского владельца часовой фирмы.

А в 1929 году артель «Солидарность» решили объединить с большой артелью местных крестьян. После этого коммуна постепенно развалилась, несмотря на передачу совхоза под управление Межрабпома (Международной рабочей помощи) и сбор средств для этого совхоза среди рабочих Запада. Совхоз превратился в подсобное хозяйство автомобильного завода ЗИС.

Ныне в усадьбе дом отдыха «Васькино». Деревянные стены усадебного дома еще в 1969 году были заменены кирпичными с сохранением прежних форм здания. А вот церковь Рождества Богородицы превратили в гараж. Липовый парк запущен. Лишь тени прошедших веков бродят по его аллеям.

Проезд: с Курского вокзала до станции Чехов, далее автобусом на Нерастанное до остановки «Васькино».

Июнь 1995 г. Фото из архива автора.

Усадебный дом

Введенское (Одинцовский район) Усадьба с видом на Звенигород

Введенское известно как дворцовое село с 1504 года. В 1612 году, после освобождения Москвы от польско-литовских войск, оно было пожаловано князю Д. М. Пожарскому «за московское осадное сидение».

В XVII веке село Введенское принадлежало сначала боярину И. А. Милославскому, затем М. П. Головину. Ни тот, ни другой в нем не жили. В конце того же века оно перешло к обер-гофмаршалу Н. М. Голицыну, который владел тогда и находящимися неподалеку Большими Вяземами.

Введенское не было наследственным имением, поэтому хозяева его часто менялись. Император Павел I подарил Введенское своей фаворитке Лопухиной. Архитектурный ансамбль усадьбы создавался по заказу ее отца, князя П. В. Лопухина. Проектировавший усадьбу архитектор Николай Александрович Львов писал зимой князю: «Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия смотря на окрестности...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.